

МЕМУАРНАЯ ФОРМА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА

Проблема мемуарной формы в художественной прозе А. С. Пушкина будет рассмотрена нами на примере последнего крупного произведения, итога его идейных и творческих исканий — «Капитанской дочки».

Благодаря исследованиям ряда ученых решены многие вопросы, касающиеся идейного содержания и источников романа.¹ Отмечено также, что «Капитанская дочка» — «весьма прихотливое произведение, чрезвычайно искусно и сложно построенное < . . >. Повествовательные принципы в «Капитанской дочке» < . . > до сих пор изучены еще недостаточно».² Между тем повествовательные принципы — это тот оселок, на котором проверяется жанровая природа произведения. Поэтому прежде всего обратимся к рассмотрению их, а также к композиции романа.

В наших рассуждениях мы будем исходить из пушкинского определения исторического романа: «В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую в вы-

¹ См., напр.: Измайлов Н. В. «Капитанская дочка». — В кн.: История русского романа: В 2-х т. М.; Л., 1962, т. I, с. 180—202; Гукровский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. — М., 1957, с. 368, 373—374; Оксман Ю. Г. 1) Пушкин в работе над «Историей Пугачева» и повестью «Капитанская дочка». — В кн.: Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, с. 5—133; 2) Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка». — В кн.: Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., 1964, с. 149—208; Лотман Ю. М. Идейная структура «Капитанской дочки». — В кн.: Пушкинский сборник. Псков, 1962, с. 3—20; Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973, с. 169—204.

² Сидяков Л. С. Указ. соч., с. 185.

мышленном повествовании» (XI, 92; XVII, 61). К началу работы над «Капитанской дочкой» Пушкин располагал, если пользоваться его же словами, «рамой обширнейшею происшествия исторического», но искал «романическое происшествие», которое «без насилия» входило бы в эту раму (XI, 92). Долгое время аналог этому романическому происшествию пытались найти в романах Вальтера Скотта. Однако, по словам Д. П. Якубовича, — «если прочесть «Капитанскую дочку» непосредственно за любым из сюжетно близких романов Скотта, видим: многие ситуации аналогичны, многие детали схожи, многое неизбежно напоминает о В. Скотте, но в целом роман, задачи его построения, смысл его взятых из русской действительности, из нашей истории, образов — другой, принципиально новый, художественно высший».³ Между тем в неоконченном предисловии к роману Пушкин пишет о том, что романическая интрига должна быть знакома читателю: «Читателю легко будет распознать нить истинного происшествия, проведенную сквозь вымыслы романические» (VIII₂, 928). Поэтому в первую очередь попытаемся определить характер романических вымыслов. Для этого обратимся к плану романа.

В них обращает на себя внимание единство финалов: герой после участия в восстании получает прощение. Пути прощения тщательно обдумываются: заступничество отца, личная доблесть («спасает соседа», «спасает семейство и всех» — это вариант Шванвича), невольное участие в восстании (попадает к Пугачеву, подчиняясь обстоятельствам, — это вариант Башарина; или попадает в плен, будучи ранен — это вариант Валуева; VIII₂, 928—930).⁴ Таким образом, идет поиск героя, который мог бы свободно перемещаться в двух враждебных лагерях, не оказываясь предателем (о чем свидетельствует усиление признака «невольного участия» в восстании) и вызывая к своей истории участие и доверие читателей. Сопоставление небольших фрагментов «Капитан-

³ Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы Вальтер Скотта. — В кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1939, вып. 4—5, с. 209.

⁴ Подробное см.: Петрунина Н. Н. К творческой истории «Капитанской дочки». — Русская литература, 1970, № 2, с. 78—92; Сидяков Л. С. Указ. соч., с. 179—182; Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника», с. 10—33; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М., 1964, т. 6, с. 778—784.

ской дочки» и пушкинского «Рославлева» подскажет ту область, в которой можно найти исходную модель «романического вымысла» «Капитанской дочки».

Ср.: «Я смеясь дала ему заметить, что положение его самое романическое. — В плену у неприятеля раненый *Рыцарь* влюбляется в благородную владительницу замка, трогает ее сердце, и наконец получает ее руку. — «Нет, сказал мне Синекур < . . . >».
(«Рославлев», VIII, 157).

«Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я *воображал себя ее рыцарем*».
(«Капитанская дочка»; VIII, 322).⁵

Сеникур отклоняет от себя роль, предлагаемую сюжетом «посредственного романа» M-me Cottin «Матильда, или Крестовые походы», героем которого (Малек-Аделем) восхищалась Полина загоскинского «Рославлева» и пушкинская Татьяна. Роль рыцаря, в которой воображал себя Гринев, намечала сюжет позднего бретонского романа (вероятнее всего, романов Кретьена де Труа, в которых авантюра играет воспитательную роль⁶ (ср. эпиграф к «Капитанской дочке»: «Береги честь смолоду»), а путь через опасности и приключения всегда связан с моральным совершенствованием героя (ср.: «Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение»; VIII, 312).

Поздним бретонским романам свойственен комплекс устойчивых мотивов: «встреча — разлука — поиск — обретение». Центральная тема — «идеализм в любви» и «конфликт любви и долга» отличают данный комплекс от того, который

⁵ Курсив в обоих случаях мой — Н. М.

⁶ Б. А. Грифцов предлагал пользоваться двумя терминами: «авантюра» <...> — «поиски <...> счастливой судьбы, удачи, всяческими средствами» и «авентура», то есть: «странное происшествие, причинно необъяснимое событие, нечто чудесное, внезапное, немотивированное» (см.: Грифцов Б. А. Теория романа. М., 1927, с. 59). Если пользоваться терминологией Б. А. Грифцова, то речь в данном случае идет об «авентуре».

встречаем в античном романе.⁷ Но эти же мотивы и конфликты свойственны и «Капитанской дочке» (ср.: «Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих, затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марьи Ивановне и быть ей защитником и покровителем»; VIII, 329). Однако в пушкинском романе конфликт усложняется противопоставлением долга слабости человеческой: «Накопец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою» (VIII, 332). Он подается не абстрактно, а в социально-историческом освещении (ср.: «С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака»; VIII, 355).

Неотъемлемым элементом позднего бретонского романа является дихотомия,⁸ при которой в первой части романа герой получает все сказочно легко, но так же легко теряет все достигнутое в конце этой части. (Следует сразу же оговориться, что бретонский роман мы будем рассматривать на уровне синтагматики,⁹ когда мотивы объединены в определенные блоки, между которыми намечаются определенные точки композиционного соприкосновения). Аналогичную структуру мы встречаем и в «Капитанской дочке», где структурными элементами условно выделяемой первой части оказываются:

I₁ — пролог в виде рассказа о происхождении и детстве героя;

I₂ — неожиданная цель в виде трудной задачи: «Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, оказалась мне тяжким несчастьем» (VIII, 282);

⁷ Подробнее о средневековом романе см.: Гринцер П. А. Две эпохи романа. — В кн.: Генезис романа в литературе Азии и Африки. М., 1980, с. 12, 16; Мелетинский Е. М. Средневековый роман: (Происхождение и классические формы). М., 1983. Е. М. Мелетинский дополняет названный комплекс следующими мотивами: «вещие сны, разбойники, мнимая смерть» (см. с. 15). Эти мотивы встречаются и в «Капитанской дочке».

⁸ См.: Мелетинский Е. М. Указ. соч., с. 108.

⁹ Подробнее о синтагматической структуре кретьеновских романов см.: Мелетинский Е. М. Указ. соч., с. 111—116; Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976, с. 118—119.

I₃ — развитие действия; герой совершает первые «подвиги» проигрывает в карты, дерется на дуэли, чудесным образом спасается от виселицы и т. п.)¹⁰ и завоевывает сердце прекрасной дамы.

Водораздел между первой и второй частью проходит в момент отъезда Гринева из Белогорской крепости, когда им потеряно все, что он имел, и предстоит ценой огромных усилий вернуть себе то, что потерял. Закрывающая первую часть глава названа «Разлука».

Структурные элементы второй части «Капитанской дочки»:

II₁ — герой, оставив даму, вскоре возвращается. Он совершает подвиг в результате личного порыва для защиты слабых и обиженных (ср. мотивировку, которую приводит Гринев в разговоре с генералом и Пугачевым после письма Маши; VIII, 343, 348);

II₂ — утерянное завоевывается в результате трудных испытаний, являющихся внутренней проверкой героя (обращение Гринева к Пугачеву, поведение его в следственной комиссии) и его дамы (обращение Маши к императрице).

Таким образом, опровергается мнение Ю. Г. Оксмана, который полагал, что эволюция романа демонстрирует «процесс постепенного интеллектуального снижения его героя».¹¹ Напротив, присущие Гриневу «черты более высокой, более гуманной человеческой организации, выходящей за пределы его времени»¹² находят свою аналогию в рыцарском понимании любви и долга. Структура же «Капитанской дочки» тяготеет к романной форме. О ее наличии, в частности, свидетельствует количество писем (их 17) и персонажей (их 12), которые эти письма пишут.¹³ В отличие от мемуарной прозы, наличие писем в которой не предполагает последствий в

¹⁰ В. Н. Турбин видит в этом сюжетном моменте отражение притчи о блудном сыне, который «сбился с пути», заблудился, и в прямом и в переносном смысле, и которого «на дороге» выводит вожатый. См.: Турбин В. Н. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1978, с. 64—65.

¹¹ Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка», с. 169.

¹² Лотман Ю. М. Указ. соч., с. 10—20. Ср.: Сидяков Л. С. Указ. соч., с. 182—183.

¹³ Пятеро: Гринев, Маша, отец Гринева, Савельич, генерал — пишут по два письма.

сюжетном развитии (ср. письмо мадам де Сталь в ориентированном на мемуарную форму «Рославлеве») и подаются как документ (ср. в «Рославлеве»: «Эта записка хранится у меня»; VIII, 152),¹⁴ письма в «Капитанской дочке» играют значительную роль в сюжетном развитии.¹⁵ Они искусно расположены: во-первых, не все тексты писем приводятся (отсутствуют: тексты писем Швабрина, Пугачева, Маши к императрице, Екатерины II к Гриневу-отцу и др.); во-вторых, одно письмо может появиться дважды (например, письмо Гринева-отца к генералу в I и II главах); в-третьих, два письма могут иметь одно следствие и воспринимаются как одно (например, письмо Гринева и письмо Швабрина Гриневу-отцу о Маше Мироновой и т. д.). Поэтому значительное как для романной, так и для мемуарной формы количество писем почти незаметно в тексте «Капитанской дочки». Основным принципом расположения писем является *динамика* их появления по главам: I гл. — 1 письмо; II гл. — 1; III — IV гл. — 0; V гл. — 4; VI гл. — 2; VII—VIII гл. — 0; IX гл. — 1; X гл. — 1; XI—XII гл. — 0; XIII гл. — 2; XIV гл. — 4. Намечается, таким образом, следующая периодичность; 2 — 0 — 6 — 0 — 2 — 0 — 6.

Периодичность в распределении писем не только создает иллюзию непосредственности повествования, свойственного

¹⁴ В «Капитанской дочке» только последнее письмо имеет такое подтверждение: «В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке» (VIII, 374).

¹⁵ I письмо Гринева-отца имеет два следствия: отъезд сына в Оренбург, а затем в Белогорскую крепость; следствием II письма (Зурнина) явились выплата долга, ссора с Савельичем, подарок проводнику тулупа; III и IV письма (о Маше) пишут Швабрин и Гривев, их следствия — два письма Гринева-отца сыну и Савельичу (V, VI); ответ Савельича (VII); VIII — письмо генерала о пугачевщине, следствие — военные приготовления в крепости; IX — воззвание Пугачева, следствие — переход казаков на его сторону; X — реестр Савельича, следствие — подарок Пугачева; XI письмо пишет Маша, следствие — обращение Гринева к генералу и после получения отказа — к Пугачеву; XII письмо пишет Гривев, отправляя Машу с Савельичем, следствие — радушный прием Маши в доме Гривевых (VIII, 369); XIII — приказ об аресте Гринева и арест как следствие приказа; XIV письмо генерала на запрос следственной комиссии, следствие — очная ставка со Швабриным; XV письмо пишет князь Б* о помиловании Гринева и ссылке его на вечное поселение в Сибирь, следствие — отъезд Маши в Петербург; XVI письмо пишет Маша императрице («Надеюсь, что вы не долго будете ждать ответа на ваше письмо»; VIII, 373), следствие — приказ явиться к государыне; XVII — оправдательное письмо Екатерины, адресованное Гриневу-отцу, содержание письма и его следствия излагаются в примечаниях издателя.

мемуарной прозе, не только усиливает напряжение в кульминационный момент повествования (в двух главах: пятой,¹⁶ где речь идет о женитбе Гринева, и в четырнадцатой, где решается вопрос о его свободе и чести, — наибольшее количество писем — по 4 письма), но образует своеобразную зеркальную композицию (водораздел между первой и второй частями, как уже указывалось, проходит после главы IX «Разлука»), в которой повествование во второй части прервано в кульминационный момент, что создает иллюзию непреднамеренного обрыва записок Гринева («Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева»; VIII, 374), но, по сути дела, — это математически точно рассчитанный прием Пушкина-романиста.

Сразу же возникают вопросы: чем заполняются главы, в которых отсутствуют письма? Что в них происходит? Прежде всего обратимся к герою романа. Гринева в трех нулевых (в отношении писем) периодах трижды находится на волоске от смерти: первый раз — во время дуэли со Швабриным, (в гл. III он ранен на дуэли); второй раз — после взятия крепости Пугачевым (в гл. VII он ожидает своей очереди в виселицы); третий раз — когда в гл. XI сам является к Пугачеву («Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повеши и этого молодца, чтоб никому не было завидно»; VIII, 349). Одновременно и героиня находится на волоске от смерти: первый раз — чисто метафорически («Я так и обмерла < . . . >, когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах»; VIII, 305), второй раз — в доме у попадьи («Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду»; VIII, 336); третий раз — в «лазарете» у Швабрина («Я лучше решила умереть, и умру, если меня не избавят»; VIII, 355; в финале этой сцены Маша падает в обморок, увидев перед собой Пугачева). Линии героя и героини, однако, разнонаправлены: положение Гринева, столь тяжелое в начале романа, достигшее своей кульминационной точки в сцене у виселицы, ослабляется к моменту заточения Маши у Швабрина и вновь осложняется,

¹⁶ Этот кульминационный момент позволил Н. И. Черняеву «условно» считать I—V главы первой частью, а VI—XIV главы — второй частью романа. (Подробнее см.: Черняев Н. И. «Капитанская дочка» Пушкина: Историко-критический этюд. М., 1897, с. 75—76).

когда положение героини нормализуется (Маша поселяется в семье Гриневых). Эти линии образуют импульсную кривую.

Через описание лубочных картинок, которые видит Гринев на стене в доме коменданта («взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота»; VIII, 295) намечается определенная связь «Капитанской дочки» с притчей о блудном сыне.¹⁷ Притча дается Пушкиным в трансформированном виде, в нее вводятся мотивы ритуально-мифологического комплекса инициаций.¹⁸ Рассмотрим их более обстоятельно. Уход — не добровольный, как в библейской притче, а по воле отца, что указывает «на инициационный характер испытания героя».¹⁹ (Ср. письмо Гринева-отца сыну после доноса Швабрина: «... собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку <. . .>. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла»; VIII, 309). При этом, если «мудрость библейского отца не в том, что он якобы предвидел раскаяние сына <. . .>, а в том, что он не препятствовал уходу сына»,²⁰ то мудрость Гринева-отца выше библейской и, следовательно, выше степень его горечи после известия о предательстве сына, так как ставит под сомнение библейский постулат о том, что человеческая ценность ушедшего и вернувшегося выше ценности того, кто не покидал отчий дом (см. притчу о виноградарях). *Искушение* — неотъемлемый мотив инициации, причем в отличие от библейской притчи инициационный герой «не должен уклоняться от искушений, должен, напротив, пройти через искуш»²¹ (ср. сцену у виллицы: «Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Цалуй руку, цалуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению»; VIII,

¹⁷ О месте, которое занимает эта притча в творческом сознании Пушкина, см.: Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого. — В кн.: Болдинские чтения Горький, 1983, с. 67—81. Ср.: Болдинские чтения. Горький, 1984, с. 89—97

¹⁸ См.: Мифы народов мира. М., 1980, т. I, с. 543—544 (ст. Г. А. Левинтона, там же основная литература).

¹⁹ Там же, с. 544.

²⁰ Тюпа В. И. Указ. соч., с. 75.

²¹ Там же, с. 76.

325; или — «Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне еще сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая»; VIII, 305). Этот мотив тесно связан с мотивом *испытания* — соответствующего посещению страны мертвых и символическому *возрождению* — как преодоления последствий разделения блудным сыном «трапезы со свиньями». Необходимо отметить, что Гринев уклоняется от «трапезы» с Пугачевым («Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся»; VIII, 330); даже после освобождения Маши из рук Швабрина на предложение Пугачева отпраздновать свадьбу (еще один мотив инициации — *мотив праздничного пира*) он отвечает: «бог видит, что жизньню мою рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести»; VIII, 356). Последний мотив инициации — *возвращение* — наметен в послесловии издателя.

Таким, образом, в «Капитанской дочке» мы имеем дело с очень прихотливой архитектоникой, которая была тщательно продумана Пушкиным.

Последний вопрос, который требует своего рассмотрения, — это вопрос о жанре «Капитанской дочки». Трижды в ее тексте Пушкин дает жанровое определение, казалось бы, противоречащее всем нашим рассуждениям: «Молодой человек! если *записки* мои попадутся в твои руки...»; «Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным *запискам*»; «Здесь прекращаются *записки* Петра Андреевича Гринева» (VIII, 318—319, 341, 374). Но также трижды Пушкин переключает повествование в другой — романтный регистр: гл. VIII — «*Читатель* легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен»; гл. X — «*Читатель* легко себе представит, что я не преминул явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою»; «Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем она состояла, *читатель* увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты» (VIII, 330, 339, 343; курсив везде мой — Н. М.). Последнее свидетельство переключается с замечанием издателя, в обоих говорится, что рукопись делилась на главы, это, конечно, возможно для мемуарной прозы, но ориентация на старинных романистов и обращения к чи-

тателю — черты явно романной структуры.²² Жанровое же определение «записки» вводится для того, чтобы не потерять иллюзию достоверности исторического фона, ведь Гринев — участник странной истории (он постоянно об этом упоминает) и свидетель страшных событий. В «Капитанской дочке» происходит сцепление романической интриги и исторических обстоятельств. Поэтому Пушкин прикрывает истинную жанровую форму иллюзорной.

Делалось это, по-видимому, согласно той же логике, по которой В. Ф. Одоевский в статье «Как пишутся у нас романы» утверждал, что расположение читателя читать романы, а не записки «гибельно для всего того, что вы почитаете лучшим в своем сочинении».²³ В определении жанра «Капитанской дочки» ближе всего к истине оказался П. В. Анненков, называвший ее романом, «имеющим теплоту и прелесть исторических записок»,²⁴ то есть сохраняющим иллюзию формы, но не обладающим этой формой по существу. Созданию данной иллюзии способствуют следующие условия:

1. Главный герой, от лица которого ведется повествование, должен быть не просто свидетелем, но участником описываемых им «странных происшествий».

2. Должна быть установлена временная дистанция (сегодняшний день и тогдашнее время).

3. Жанровое определение «записки» должно быть задано не только самим повествователем, но и лицом посторонним (издателем).

4. Должен быть включен документ, подтверждающий достоверность истории и переключающий ее в регистр документальной прозы (письмо Екатерины II).

Все это и присуще жанровой природе исторического романа Пушкина «Капитанская дочка».

²² Ср.: Белькинд В. С. Время и пространство в романе «Капитанская дочка». — В кн.: Пушкинский сборник. Л., 1977, с. 17, 18. Показательно, что в «Повестях Белкина», не ориентированных на мемуарную форму, встречаются и обращения к читателю, и ссылки на романистов: «Читатель догадается, что на другой день утром Лиза не замедлила явиться в роще свиданий»; «Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку»; «Не стану описывать ни русского кафтана Адрияна Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами» (VIII. 121, 124, 91).

²³ Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве. М., 1982, с. 49.

²⁴ Анненков П. В. А. С. Пушкин: Материалы для его биографии и оценки произведений СПб., 1873, с. 354.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ПЕТРА СТУЧКИ

Кафедра русской литературы

ПУШКИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сборник научных трудов

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. П. СТУЧКИ

РИГА 1986